

*Я подарю
тебе луну*

*русский любовный
роман*

Галия Мавлютова

Галия Мавлютова

Я подарю тебе Луну

«ЭКСМО»

2007

Мавлютова Г. С.

Я подарю тебе Луну / Г. С. Мавлютова — «Эксмо», 2007

Анна не ждала принца на белом коне. Более того – она вообще не стремилась замуж. Однако от поклонников не было отбоя. И каждый из них подвергался пытливому анализу со стороны многочисленных подруг. Ведь неизвестно, на что претендовал очередной кавалер: на руку и сердце красавицы или на ее отдельную жилплощадь и высокий оклад... Владимира, которого Анна полюбила по-настоящему, пришлось, к сожалению, тоже забраковать. Он поскупился на подарок для своей избранницы. Чего можно ожидать от такого мужчины в дальнейшем? Как же Луна с неба, как же подвиги во имя возлюбленной?..

Мавлютова Галия Сергеевна

Я подарю тебе Луну

«Будет тебе жених на Рождество, не расстраивайся, Анька», – оглушительно раздалось в трубке.

Телефон зазвонил неожиданно, звонок вихревым потоком ворвался в квартиру, безжалостно прервав печальные мысли на самом трагическом витке, пришлось невольно включиться в разговор. А сожалеть поздно, дело сделано, поезд ушел.

– С чего ты взяла, что я расстраиваюсь? – сказала Анна Мельникова, отводя трубку на безопасное расстояние.

Слишком звонкий голос у Алены Петуховой, ну прямо на части разрывает барабанные перепонки. Она всегда кричит, словно оглашенная, орет при любых обстоятельствах, и на работе, и дома. Странная эта Петухова. С раннего детства увлекается разной ерундой, зачитывается книжками по фэн-шуй, гадает на кофейной гуще, картах, по руке, глазам и другим частям тела, как приличным, так и неприличным. В общем, девушка продвинутая, без комплексов. Нынче комплексами зовут стыд и совесть, и они незаметно вышли из человеческого обихода, не модно, не престижно, отстой, одним словом. В доме Алены вечно кто-нибудь толчется. Зайди к ней в любое время суток и обязательно наткнешься на очередное чудо. Или чудовище. Кому как нравится. Дом до отказа забит странными существами. В спальне окопались какие-то художники с разноцветными прическами, на кухне прочно поселились дамы из поэтического сообщества, зачастую немытые и нечесаные. Сама Алена слывет абсолютной чистоплюйкой, ходит в баню, бассейн, занимается спортом, успешно продвигается по карьерной лестнице, неплохо зарабатывает, но в то же время обожает окружать себя сомнительными личностями. Видимо, пребывать в одиночестве Алене скучно. В ее доме всегда можно встретить кого-нибудь из знакомых и наговориться досыта. Так получилось в этой жизни, что Алена и ее квартира существуют для того, чтобы нагряться туда внезапно и вволю посплетничать. В данный момент Аленин звонок означал одно – у нее уже кто-то побывал в гостях. Тот самый человек, явно присутствовавший при вчерашнем скандале. Наверное, Надька Семенова, чтоб ей пусто было.

– Приходи, погадаем, – предложила Алена.

Продвинутая Петухова окончательно свихнулась на ворожбе. Летом она прочитала какую-то модную книжку о хиромантии и тяжело заболела новым увлечением. Обычно Анна вежливо отклоняла назойливые предложения погадать, но Алене все нейдет.

– По руке, что ли? – наивно предположила Анна.

– Нет, на свечках, знаешь, как здорово, прямо как в кино, сидишь у зеркала и смотришь на своего родного жениха, – проворковала Алена.

– Аленкин, брось ты эту муть, лучше скажи, с кем Новый год встречаешь? – ловко увильнула от уговоров Анна.

Она знала, что приглашение: «приходи, погадаем» – продиктовано женским любопытством, Алена мечтает выведать подробности случившегося скандала, но Мельниковой не хотелось обсуждать перипетии вчерашнего события с кем-либо, тем более с Петуховой. В любом случае получится коктейль из слез и утешений. Из Анны потекут рекой слезы, из Алены лавиной польются утешения. И на Питер хлынет сплошной водопад, не приведи бог, и без того за окном что-то капает. А ведь за окном уже тридцать первое декабря, и ни мороза, ни снега, и на душе грустно.

– Ой, вечером будет большая компания, ко мне придут все-все-все, и ты приходи, ты же теперь одна-одинешенька на всем белом свете, ведь с Володькой-то поссорилась, – перешла на другую волну Алена, поняла, видимо, что выведать подробности не удастся. – Слушай, Анька,

лучше приходи сейчас, пока никого нет, погадаем, поколдуем, хватит тебе кукситься. Всех женихов вызовем заранее, чтобы они не успели попрятаться на Рождество. Зато мы с тобой в девушках не останемся.

– Ален, тебе это не грозит, ты не останешься девушкой, не бойся. А гадают на женихов обычно на святки, в крещенские морозы, так до святок еще далеко, и крещенских морозов нам не видать, а мне лично не до колдовства, надо к Новому году готовиться, – сказала, как отрезала Анна, подавляя желание нахамить подруге.

– Если передумаешь, приходи, – крикнула Алена и выпала из общения, не прощаясь. Вещая гадалка звучно булькнула в забвение вместе с истошными воплями.

Анна прикорнула на диване, укутавшись пледом. Вот и закончился декабрь. Сегодня уже Новый год. А зима еще не началась. Что-то припозднилась она в этом году, наверное, загуляла где-то, а может, потеряла дорогу и заблудилась в пути. Осень прочно поселилась в городе, она явно не собиралась сдавать без боя захваченные позиции. И серый асфальт нестерпимо наскучил, всем хотелось свежести и белизны. Граждане вдруг возжаждали очищения. Ведь уже Новый год, а там и Рождество не за горами. Целых две недели можно спокойно не работать, правительство объявило народу о каникулах, в связи с этим безделье получило законные права. Холодильник забит продуктами, в гардеробной новые наряды. Они висят на вешалках и ждут своего часа. А снег так и не выпал. Нынче в северном Петербурге словно в знойном Душанбе. Все признаки потепления климата налицо. Еще одна неделя аномальной погоды – и на всей планете растают льды, исчезнут полюса. А первого января вообще обещали плюс два по Цельсию. Сани, тройки, скрипучий снег и лыжи безвозвратно растаяли в дымке воображения. Анна Мельникова приоткрыла штору и выглянула в окно. В открытом пространстве все, как обычно, за прошедшие сутки не произошло никаких изменений. Снаружи серо, скучно, сыро. Девушка сморщила нос и вытянула губы трубочкой. Унылая пора. И вечная тоска. Раздался резкий звонок. Анна сняла трубку.

– Привет, дорогуша, как поживаешь? – пропел дивный голос самой лучшей подруги на свете.

«Сплетница длинноязыкая, – подумала Анна, внутренне раздражаясь, – отрезать бы этот язык и собакам выбросить!»

У «дивной подруги» есть имя – Надежда. Красивая молодая женщина, длинноногая, стройная. Весьма успешная особа. Она повсюду успевает – и карьеру строит, и в семье у нее полный порядок, и связи надежные имеются. Ловкая женщина сумела устроиться в жизни, как мало кто устраивается. Недаром подругу Надеждой зовут, точнее, Надеждой Павловной. Семёнова указывает на четкие границы между собой и обществом, она неукоснительно требует, чтобы окружающие прибавляли к ее имени еще и отчество. Отчасти это смешно, ведь Надьке всего тридцать лет, но она боится утратить социальный статус. Друзья и знакомые привыкли к причудам красивой женщины, беспрекословно выполняют требования Надежды Павловны, но за глаза называют Надькой.

– Никак, я не живу, жду зиму, ведь скоро Рождество, – сказала Анна.

Она уже упрекала себя за малодушие. Вместо ритуального жертвоприношения в виде отрезания длинного языка лучшей подруги пришлось мило болтать с ней, изображая жуткую заинтересованность. Настоящий конформизм. В чистом виде. Без примеси. А «Рождество» уже с языка не сходит, и все благодаря Алениной заботе. Это слово повисло в сознании, как елочная игрушка на елке.

– А ты не жди, и зима придет когда-нибудь, – засмеялась подруга.

– Когда-нибудь придет, – покорно согласилась Анна.

– Как ты Новый год встречаешь, с кем, где, в какой-нибудь светской компании?

Надежда откровенно издевалась над Анной, слегка прикрывая приторными словами жесткую иронию.

– В ванной, с бокалом шампанского в руке, буду лежать в морской пене и воображать себя Клеопатрой, – отшутилась Анна.

– Смотри, не утони, – обеспокоилась приятельница.

– Надь, ты сама не утони в шампанском, в прошлом году от тебя еще полгода Новым годом отдавало, за версту несло, – сказала Анна и задернула шторы.

И в комнате наступил полумрак. Белый ковер матовым квадратом светился в дальнем углу комнаты, всеми силами пытаясь осветить сумрачное помещение. Анна щелкнула выключателем, в комнате засиял яркий свет, будто наверху вспыхнул огромный факел. Девушка прищурилась, привыкая к освещению. «Наверное, это Надька рассказала Алене про нашу ссору с Владимиром. Ну и пусть, пусть все знают, что я осталась одинокая, без жениха», – подумала Анна, с ненавистью глядя на трубку, словно вместо мембраны перед ней торчало любопытное лицо собеседницы.

– Анька, ты такая колючая стала, прямо натуральный кактус, а не девушка на выданье, – сказала Надежда.

Семенова не обиделась, наоборот, до краев наполнилась состраданием по ту сторону телефонного провода, сейчас примется предлагать помощь. За годы общения Анна досконально изучила нрав своей подруги, Надежду хлебом не корми, лишь дай возможность кого-нибудь облагодетельствовать. Сначала жестоко обидит, через минуту щедро одарит. И наоборот. Такой уж у Надежды характер. Противоречивый, пестрый, разный.

– Надя, ты лучше занималась бы своими делами, а со своими я и сама разберусь как-нибудь. Мне чужая забота не требуется, – сказала Анна, нарочно придавая резкость своим словам.

Она хотела остаться одна, желая вдоволь насладиться нахлынувшим одиночеством. Но Надежда не сдавалась. Лучшая подруга не могла оставить человека в беде.

– Нельзя встречать Новый год в одиночестве, нельзя, надо идти в люди, в народ, на публику. Вот что ты будешь делать в своей ванне, одинокая, голая и пьяная? – смеялась Надежда, не оставляя попыток спасти подругу от мировой скорби.

– А почему пьяная? Голая – да, одинокая – не спору, а третий пункт полностью отменяется. Бокал шампанского еще никому не повредил и никого не утопил, тем более в ванне. Я не успею купить путевку, уже поздно, ты же знаешь, Надя, мы собирались встречать Новый год с Володей вдвоем, – сказала Анна.

На девичьих ресницах невольно повисли капельки росы. Но Анна загнала слезы обратно, будто кран закрутила. Ей не хотелось плакать, разговаривать, спорить с подругой, а вдруг Надежда искренне предлагает помощь? Анна присела на край стола и посмотрела на свои скрещенные ноги, длинные и красивые. Крест-накрест. Крест на прошлом. Ноги вычурно сложились в изящную конструкцию. Жаль, нет благодарной публики поблизости, никакой, ни одного зрителя, и самого желанного тоже нет. Анна перевела взгляд в угол. Белый ковер, столик, кресло, кровать. Привычная обстановка. Ничего экстремального. Никуда не хочется идти из дома. Почему все люди в Новый год сходят с ума?

– И где этот твой Володя, куда он подевался? Анька, я знаю, ты сейчас сидишь и волком воешь на луну.

Слова Надежды бредили душу, терзали израненное сердце. А свежая рана и без того нещадно кровоточила.

– Я не могу быть волком, разве что – волчицей, а луны еще нет, она позже появится, и откуда ты знаешь, что я вою? – с трудом выдавила из себя Анна, сейчас она ненавидела всех подруг на свете. Всех без исключения. И Надежду, и Алену, и остальных по списку.

– Я догадалась по твоим глазам, – сказала Надежда и громко засмеялась.

– Ты не можешь видеть мои глаза, они далеко от тебя, – улыбнулась Анна.

Она улыбнулась сквозь слезы, а Надежда воистину ощущала себя благодетельницей, ясновидящей, Кассандрой и верила в свои пророческие способности. Анна осторожно сняла мизинцем слезинку с ресницы.

– Чувствую тебя на расстоянии. Короче, Анька, давай-ка заканчивай хандру и приезжай к нам. Ты же одинокая. Все наши будут тебе рады, они же любят тебя, дурочку, жалеют. После двенадцати договорились собраться у нас. И Воронины придут, и все остальные. А мы посидим, попоем, потанцуем, покуролесим, – и Надежда охотно принялась за перечисление различных прелестей новогоднего застолья.

Анна брезгливо поморщилась. Как раз все вышеперечисленные радости беспокоили живое воображение девушки.

– Приеду-приеду, может быть, – сказала Анна, пытаясь закончить беседу с подругой.

Девушка не собиралась выходить из дома. Анне нужно было прийти в себя от любовной встряски, хотя бы чуть-чуть, самую малость.

– Ждем-с, ваше величество, королева ты наша, Анна великая, – важным тоном изрекла Надя и исчезла из эфира.

Анна швырнула мобильник на диван. Хотела всплакнуть, но передумала. Посмотрела на себя в зеркало, широко улыбнулась, оскаливая зубы, шутливо клацнула, пугая собственное отражение, и вновь нахмурилась. «Неудачник, проклятый неудачник! С ним всю жизнь промаешься, придется экономить на всем, на спичках, на колготках, чтобы достойно выглядеть на людях. Зануда и проповедник!» – пробормотала девушка и взглядела в зеркало. Там что-то забрезжило, какая-то смутная тень, она мелькнула и пропала где-то в глубине. Анна осторожно коснулась пальцем прохладной поверхности. Зеркало безмятежно отобразило вытянувшееся лицо Анны. «Чушь какая-то, бред, сплошные видения, это мне привет прислали из потустороннего мира ввиду предстоящих Аленкиных гаданий», – вслух сказала Анна и сердито отвернулась. Взгляд девушки тут же уткнулся в другое зеркало, оно было вмонтировано в дверцу шкафа. И вновь смутный силуэт забрезжил в отдалении. Это был он. Жених Анны. Тот самый неудачник, зануда и проповедник. Это с ним можно было всю жизнь маяться и экономить на спичках. Вчера вечером Анна с ним рассталась, навеки, навсегда, до самой смерти. И совершенно не понятно, что делал этот неудачник в предновогодний день в двух зеркалах Анны. Что он в них забыл? То ли его отражение осталось в памяти зеркал, то ли новогодние страшилки выскакивают из-под ковра, то ли чудеса в решетке мерещатся на каждом шагу. «Если поставить две свечи у зеркала, зажечь их, положить серебряное кольцо в миску с водой и прошептать заветные слова, тогда можно увидеть своего суженого и желанного». «Чудеса легко можно объяснить, во-первых, мне Аленка рассказывала о колдовстве и ворожбе, все уши прожужжала, во-вторых, Надька к настоящей гадалке ходила, узнавала насчет мужа, приворожили его или нет. Надоела со своими байками. Три дня пришлось слушать про Надькины походы к гадалке. От этих глупых разговоров мне грезится мой бывший жених. Глаза бы мои его не видели, уши не слышали. Сгинул бы он навеки!»

– Не хочу спать с занудой и жадиной всю жизнь в одной постели! – вслух произнесла Анна и прошла в столовую.

Праздничный стол пламенно пылал оранжевыми солнцами мандаринов, апельсинов, бутербродами с красной икрой, выложенной на масло яркими кружочками. Коробки с конфетами и пирожными лежали на столе и стульях. Повсюду громоздились бутылки с шампанским, будто Анна приготовилась к визитам дюжины гостей. Но она никого не ждала. Бегло осмотрела кухню, прищурилась, презрительно поджала губы и порывистым движением выдернула телефонный штепсель из розетки, после этого отключила сотовый, небрежно швырнув трубку в угол. Отпила глоток шампанского из высокого бокала. Причмокнула, вкусно. Дамский напиток. Анна все думала о смутной тени, промелькнувшей в глубине зеркала, сначала – одного, затем – второго. Что это было – наваждение? Разумеется, наваждение. Анна тряхнула голо-

вой, будто пыталась вытрясти дурные мысли, все, что были, до единой. Анна Константиновна Мельникова слыла образованной девушкой, она не верила в гороскопические предсказания, отрицала восточные верования в звездное предназначение человека и вообще все, что относилось к нематериальному миру, считала вселенской глупостью. Анна с юности зачислила себя в штат грубых материалисток. Любила добротную и стильную одежду, классическую музыку и театр. Обожала деликатесную еду. Разбиралась в тонкостях человеческой психологии. Была успешной в карьере. И категорически не хотела замуж. То есть, абстрактно размышляя, она допускала саму возможность брака. Но при этом Анна совершала все мыслимые и немыслимые поступки, имеющие одну цель – навсегда отвалить жениха от дома. И когда дело доходило до ЗАГСа, она давала решительный отворот-поворот очередному претенденту. Во-первых, не известно, на что претендовал кавалер – на руку и сердце Анны, на ее свободу, либо – на жилплощадь, автомобиль и высокий оклад невесты. Все материальное подвергалось пытливому анализу со стороны многочисленных подруг.

– Анька, наверное, он хочет прописаться, он же не питерский, – пророчески изрекали подруги, обсуждая достоинства очередного поклонника Анны.

– Не прописаться, а зарегистрироваться, и, вообще, зачем ему регистрация, если у него есть своя квартира в Москве? – поправляла Анна, она злилась, негодовала, в момент аналитического обсуждения ей хотелось немедленно обрубить связь. Намертво. Любую. Дружескую или мобильную – в данный момент никакого значения не имело. Но ведь жених Анны должен был влиться в круг знакомых, стать своим среди чужих. Вот и приходилось проводить испытания.

– Да он хочет зацепиться за Питер, что это тебя на московских потянуло, мало у нас своих женихов, что ли? – советовали наперебой неутомимые наперсницы.

– Мало, – сообщала Анна, – так мало, что на меня не хватило. Вы же всех расхватали.

– Ну и ладно, ну и прописывай, он потом тебя подушкой придушит или в ванне утопит, чтобы квартирой завладеть, она же ему по наследству достанется после твоей смерти.

После таких разговоров Анна еще долго ворочалась в своей кровати. Она живо представляла, как будущий муж душит ее подушкой, чтобы заполучить желанную квартиру. И Анна никак не могла избавиться от навязчивого видения. А молодой человек, только что получивший доступ в святая святых, в постель и душу невесты, и в связи с этим немного очумевший от навалившегося счастья, немедленно получал отбой. И еще долго незадавшийся жених недоумевал, по какой же причине его отвалили от дома и к тому же рекомендовали навсегда забыть номер телефона. И не было в этой истории правых и виноватых, каждый поступал, как ему хотелось. Так и пребывала Анна Константиновна Мельникова в звании невесты уже который год, а их прошло не так мало. Анна понимала – надо срочно выходить замуж. Выйти, сходить, сбегать, как в командировку слетать, к примеру, в какой-нибудь Челябинск. На сутки. Но срочно не получалось, не выходило как-то. Но однажды случилось невероятное.

В начале ноября Анна зашла выпить чашку кофе в небольшой ресторанчик. Все столы были заняты. И вдруг молодой человек поспешно вскочил и предложил Анне стул. Девушка смутилась. В стремительном двадцать первом веке мужчины уже не уступают места, никому, даже бабушкам. Она присела на краешек, будто опасалась, что парень передумает, но он не передумал, сходил к администратору, и официант быстренько принес еще один стул, поставил рядом с ней. Так они и познакомились. Ничего гороскопического и астрального в этом знакомстве не таилось. Ресторанчик-то маленький, а посетителей пруд пруди. На улице слякоть и морось. Все жаждут горячего кофе, чтобы согреться.

– У вас, наверное, красивое имя, – сказал вежливый мужчина, искоса поглядывая на Анну.

– Д-да, кажется, – неохотно откликнулась Анна.

Девушке не хотелось растрачивать драгоценное время на новое знакомство. Анна Мельникова только что избавилась от очередного жениха. Столичный кавалер не прошел испытания, по этой причине был отклонен. Пребывая в недоумении, все телефоны оборвал, желая добиться правды. Но Анна оставалась непреклонной. Она молчала, как партизан. Не скажешь же человеку правду про подушку, которой он способен задушить собственную жену, ведь окружающие сочтут Анну за сумасшедшую. И замужество вновь отошло на второй план быстротекущей жизни.

Мельникова поджала губы, отвела взгляд, прикрыла юбкой колени. Она боялась мужчин. Они неспособны взять барьер, созданный умом и опытом многочисленных подруг Анны.

– А меня зовут Владимир, – сказал молодой человек и добавил: – Можно просто – Володя.

– Анна, – буркнула она и покраснела.

Очередной приступ малодушия. Можно было промолчать. Невежливо, наверное. А, ладно. Ответила и ответила, не молчать же в конце концов, показная вежливость, не более. Приятный парень, но чрезмерно назойливый. И вдруг все остановилось, будто в замедленном кадре, а затем стремительно завертелось, закрутилось, понеслось вихрем. Они разговорились, и Анна забыла, что спешит на работу, у нее дела, командировка в Челябинск, и, вообще, она забыла даже о том, что всем девушкам когда-то нужно выходить замуж. Анна забыла обо всем. Даже о грядущих тридцати. Она словно память утратила. Новый знакомый смотрел на нее замороженным взглядом, а Анна все говорила и говорила. Кругом сновали посетители, официанты, кто-то громко смеялся. Нечаянно выскочили слова из подсознания и завертелись в пространстве: «Жених на Рождество, жених на Рождество!» Аленыны предсказания внезапно проснулись, предвещая славное будущее. Оглушительный голос подруги навязчиво преследовал Анну.

– Скоро Рождество, уже середина ноября, а декабрь быстро пройдет, – сказала Анна, пламенея от стыда, ей почему-то показалось, будто бы Владимир догадался о смутных желаниях девушки, – а снег так и не выпал. Какое же Рождество без снега?

Анна будто оправдывалась. А пронзительный голос Алены Петуховой будто повис в воздухе.

– Никакого, – согласился Володя, – но сначала нам с вами Новый год нужно встретить, а уже потом – Рождество. А какое же Рождество без снега? А знаешь что, мы с тобой придумаем снег. Нарисуем. Сфотографируем. Согласна? – он вдруг перешел на «ты».

– Согласна, – сказала Анна. Ей стало легко и радостно, как в детстве. Захотелось елки, праздника, подарков и сказочных чудес. Ведь новый знакомый пытался продлить приятный вечер, ему хотелось растянуть чудо до Нового года. И заботливые подруги временно перешли в разряд забытого прошлого. Ритуальный анализ утратил значение. Анна увлеклась очередным знакомством, как игрушкой, приятной, праздничной, рождественской. Владимир красиво ухаживал, немного старомодно, немного интеллигентно, немного навязчиво, но Анне все нравилось в нем, абсолютно все, даже его чрезмерная заботливость и нежность.

– Папочка Вова, ты слишком строг ко мне, – сказала Анна, когда Владимир упрекнул ее за то, что она выбежала на улицу без шапки.

– Простудишься же, – сказал Володя просто и незатейливо.

Анна смутилась. Все у него выходит легко и непринужденно. Сказал, увидел, полюбил. И не придираться к нему. И сам питерский, и прописка ему не нужна. Живет вдвоем с мамой. Работает в крупном банке служащим. Оклад не великий, но и не маленький. Двадцать пять тысяч, не разбежишься, но и с голоду не умрешь. На «Ленту» и на «Пятерочку» этих средств хватит. А вот на шикарную жизнь скромного оклада явно недостаточно. Вообще-то, Анне не нужна была шикарная жизнь, она и не знала, что это такое и зачем она существует. Но кругом все хотели жить только «в шоколаде», и никак иначе. И Анна заразилась общим настроением. Впала в массовый психоз. А Владимир не мог обеспечить шоколадную жизнь, и в связи

с этим обстоятельством Анна предавалась сомнениям. Она часами вертелась перед зеркалом, что-то невнятно бормотала, пристально разглядывая свое отражение. «Разве Владимир может купить мне норковую шубку за три тысячи баксов? Нет, не может. Подарит мне тощий букет цветов. Или маникюрный набор. А мне так нужна шуба. И сапоги. Не могу я больше в старых ходить! А сама покупать не буду, тогда зачем мне жених? Он же мужчина. Пусть дарит подарки, ведь скоро Рождество!» В этих невнятных звуках открывалась женская суть Анны, зато подчистую пропадали два высших образования Мельниковой, исчезали из хорошенькой головки все прочитанные книги, просмотренные спектакли, фильмы и многое другое, все то, что называется внутренним миром человека. Но Анна не замечала изменений. Она не жила, не работала, девушка непереносимо страдала от жизненного несовершенства. И вся жизнь для Анны незамедлительно превратилась в несуразицу. Такое часто случается с людьми. Это бывает в том случае, когда желания не совпадают с возможностями. Желаемые и желанные сапоги стоимостью в тысячу евро затмили все блага мира. Анна страстно хотела получить в подарок от жениха сапожки с золотой строчкой. И чтобы каблук под пятнадцать сантиметров, ведь именно такой удобен для ходьбы. Подобное чудо она видела на длинных ногах Надежды Семеновой. С той минуты Анна заболела. По-настоящему. У нее началась мания. Но Владимир даже ухом не повел. Он будто не видел мучений своей подружки, не замечая ловких ухищрений, вел себя абсолютно индифферентно. Анна провела жениха по всем показам мод, дефиле, выставкам одежды. Познакомила его с хозяйками всех модных домов Питера. Те потрясали эксклюзивными моделями перед носом жениха и усиленно намекали на приближение праздничных дней, дескать, настала пора примерить невесте новую одежду, примерить и уйти из модного дома в обновках в ожидании будущих перемен. Но жениху было невдомек, хоть бы что, никакого резонанса. И тогда девушка решила показать характер. Топнуть ножкой. Прикрикнуть. Погрозить пальчиком. Но и тогда Владимир не обратил внимания на буйный норв любимой. И вот, наконец, Анне понадобились подруги, точнее, не они, а их ценные советы и консультации. Ведь все они имели богатый жизненный опыт. Подруги налетели шумным роем, они так долго ждали благословенной минуты. И она настала. Брачные консультации происходили во время предпраздничных вечеринок. Подруги Анны осматривали Владимира при знакомстве, будто собирались покупать его в собственность, словно он являлся породистой лошадей. Но жениха трудно было смутить, Володя легко сходил с людьми. Все обсуждения трудной ситуации проходили исключительно на кухнях. Анна молчала, она ждала вынесения вердикта.

– Ты хоть любишь его? – спросила Анну одна из подруг.

– Кажется, да, – опустила глаза Анна.

Она и впрямь полюбила Владимира. Новый жених не был похож на остальных мужчин. Что-то надежное пряталось за его ироничной улыбкой. Хотелось спрятаться за него, укрыться как броней от житейских непогод. Но Анна скрывала свои чувства от Владимира, пока она доверила сокровенную тайну только подругам. Опытные женщины размышляли недолго. Они собрались на совет, чтобы определиться в резолюциях и мнениях. Общим голосованием на кухне вынесли вердикт. Жених Анне не подходит, простоват, сер и чудаковат. С таким пропадешь! Ритуальный анализ завершился в предпоследний день старого года. Жениха безжалостно забраковали.

– С таким пропадешь, Анька, нынче все так сложно, дорого, неустойчиво, доллар падает, – сказала Надя.

– Пропадешь-пропадешь, Аня, доллар-то падает, – хором подтвердили остальные.

«Остальных» было всего пятеро, их мужья благополучно праздновали в гостинной. Анна в течение двух недель выводила жениха на «люди», чтобы получить оценку. Оценка получилась неудовлетворительной. Жених не прошел тест на прочность и качество.

– Вам не угодить, – прошипела Анна, пародируя известный текст из надоевшей до чертиков рекламы.

– А ты сама-то подумай, как ты с ним жить будешь? – галдели подружки, потрясая тлеющими сигаретами.

– Нормально, нормально буду жить, – нерешительно сказала Анна.

– Где там «нормально», скажешь тоже, – замахали руками советчицы.

По всей кухне посыпался пепел. Словно спящий вулкан проснулся. Анна съежилась.

– Нормально живут только банкиры и их жены, а мы не живем, мы лямку тянем, да все дотянуть не можем, и ты туда же лезешь, – волновались неудовлетворенные женщины.

– Никуда я не лезу, а вам что неймется, вы-то устроены, все замужем, и мне тоже надо определяться в жизни, – пробормотала Анна.

– Не спеши хомут надевать на шею, всегда успеешь, – крикнула самая горластая, Татьяна Воронина.

– Тань, а тебе-то чем плохо живется, ведь Миша тебя любит, – сказала Анна, робко выглядывая из угла.

Она даже шею вытянула, чтобы заглянуть в глаза разгневанной женщине.

– Да мне мой муж даже сапоги купить не может, жадничает, экономит, скупердяй, выжига, посмотри, Анька, в чем я хожу, стыд и позор! – прошипела разгневанная Воронина.

Татьяна подняла ногу и сунула под нос Анне носок красивого, но сильно поношенного сапожка. Лакированный носок, черная прошивка, лайкра, отличные сапоги, триста баксов стоили на сэйле. Разумеется, промокают в дождь, зато в сухую погоду лучше не придумаешь. Анна мысленно отметила все достоинства и недостатки повседневной обуви стоимостью в триста долларов.

– Тань, хорошие сапоги, не расстраивайся ты так, – сказала Анна.

И замужество вновь отодвинулось на задний план. Неужели брак по любви может расстроиться из-за покупки башмаков? Что-то не верится. Анна не допускала мысли о разрыве с Владимиром. Самые модные сапоги не могут стать помехой счастью. Ведь счастье – вещь материальная. Его можно потрогать, даже понюхать. У любого счастья есть собственный аромат.

– Девчонки, бросьте вы, не кричите, – сказала Надя, – нашли из-за чего волноваться перед Новым годом.

– Сама-то в шикарных сапожках ходишь, небось, каждую неделю обувь меняешь, – набросилась на Надю Татьяна.

– И не каждую, – обиделась Надежда, – а раз в месяц. Покупаю на распродажах.

– Твои даже на распродаже стоят тысячу «евриков», на показе они вмиг за три тысячи ушли, – сказала Татьяна.

– Так что мне делать? – окончательно расстроилась Надежда. – Ходить в сапогах за триста баксов, как ты?

– Да-да-да! – зашипели остальные, страстно и хором.

А Анна снова поежилась. За горизонтом жизни забрезжили грядущие тридцать лет и вновь обретенная свобода. Запах счастья улетел в форточку вместе с сигаретным дымом.

– Ну уж нет, ни за что, все продам, в долги залезу, но всегда буду ходить в элитной обуви, и вообще, девчонки, хватит ссориться, лучше пойдемте к мужчинам, они уже соскучились без нас, – сказала Надежда Павловна, увлекая переполошенных женщин в гостиную.

А в гостиной царил полный трам-тарарам. Раскрасневшиеся мужчины галдели еще громче дам, они о чем-то спорили, размахивали руками, дергали плечами, напрягали мышцы. Казалось, еще одна капля спиртного – и начнется бой. Стенка на стенку.

– Хватит-хватит спорить, «Челси» – чемпион, кто бы возражал, – миролюбивым тоном произнесла Татьяна.

Она положила руки на плечи мужа, легко приподняла мощное тело и вновь усадила на стул, умело управляясь с мужем, как с малым ребенком. Михаил покорно притих под ее рукой

и шумно засопел. Мужчины вопросительно уставились на непонятную сцену. Полная абстракция. Постмодернизм в чистом виде. Женщина оказалась крепче водки.

– Мужчины, предложите дамам выпить, – сказала Надежда, выставя напоказ сияющие носки сапог.

Семенова демонстрировала успешность в узком кругу близких друзей, дескать, знай наших! Мужчин даже передернуло при виде столь яркого экспоната, так дернуло, будто всех подключили к электрическому току. Видимо, в домашних кругах сапожная тема являлась актуальной и горячо обсуждаемой в последние дни перед Новым годом. Женщины жаждали новогоднего карт-бланша, чтоб каждой женщине по сюрпризу. Анна немигающим взором уставилась на сапоги. И что в них скрыто сакрального, почему именно эта проблема всплыла на поверхность во многих семейных очагах? Сапожки сидели на зависть красиво, изящно и комфортно, они облипали тонкую ступню Надежды, будто хрупкую женскую ножку обтягивала прозрачная бумага, невидимая и незаметная на ощупь. Нога была открыта, а не закрыта обувью. Удивительные сапоги. Божественные. У Анны заняло сердце. Ядовитые слезы застили глаза. Девушка с трудом отвела взгляд от притягательного зрелища, про себя отметив, что и мужчины не в силах добровольно перевести глаза от сапог на другой предмет, к примеру, на стол с желанной выпивкой. За них это сделали жены, будто по команде они положили ладони на затылки мужьям и повернули головы в другую сторону. Словно стрелки часов перевели. И тут же загремели рюмки, бокалы, фужеры, полилось вино, коньяк, виски, минеральная вода.

– Выпьем за наступающий Новый год, сегодня уже тридцатое, – провозгласила Надежда Павловна.

Семенова всегда принимала на себя руководство действием, любым, самым незначительным, лишь бы была возможность отдавать команды направо и налево. Настоящий генерал, а не женщина. Из мирной жизни боевой фронт сотворила.

– Миша, не пей много, – прошептала Татьяна, поворачивая локоть мужа в направлении, противоположном от рюмки.

Анна молча наблюдала за присутствующими, Владимир сидел рядом с ней, поигрывая за спиной локоном девушки. Длинные волосы гривой спадали до середины спины, Анна чувствовала прикосновение мужских рук, но не обрывала ласки. Она напряженно думала. Михаил укрывался от строгого внимания супруги, пытаясь придвинуть рюмку поближе. Надежда озидала застолье прицельным прищуром. Надин муж – Александр храбро попивал виски обильными глотками, открыто, не таясь от жены. Надежда сама правила автомобилем в праздничные дни.

– Миша, купи мне такие же сапоги, как у Нади! – приказным тоном вдруг произнесла Татьяна.

Она первой из женщин выпустила на свободу роковые слова. Сказала и испугалась, видимо, слова вылетели сами по себе, как птицы. Женщина собиралась произнести что-то другое, но на языке повисло именно это, что-то неудобное и неправильное, не совсем понятное и случайное. И все в один миг полетело кувырком. Планета сошла с оси.

– Ты что, с ума сошла, а как же кредит? – вскрикнул Михаил, поперхнувшись водкой, он даже рюмку отставил подальше от себя. Добровольно, без принуждения и понукания отставил, видимо, эти слова вывели его из привычного состояния.

– Ты носишься со своим кредитом, все одно и то же твердишь, что же мне теперь, босиком ходить из-за этого злосчастного кредита? – крикнула Татьяна и громко зарыдала.

Все эти странные слова недовольная жена Михаила произнесла неожиданно для всех, и для себя в том числе. Публике стало не по себе. Лица присутствующих вытянулись, все знали, что Воронины купили квартиру в кредит. Теперь покупки в семье откладывались на неопределенное время. Жизнь превратилась в тягучую резину: «Вот кредит кончится, тогда посмотрим, вот кредит выплатим, тогда заживем». Долг медленно вытягивал силы и соки, хотелось жить

сегодня и сейчас, а не завтра и не когда-нибудь. Татьяна, захлебываясь рыданиями, вышла из комнаты. Михаил посмотрел на оставленную рюмку, посомневался, поколебался, вдруг решительно встал из-за стола и вышел следом за женой.

– Они деньги в твоём банке хранят, Володя, в ячейках, – сказала Надежда.

– Зачем? – спросил Владимир. – Можно же проценты получать. Есть специальные вклады.

Надежда посмотрела на Володю, как на дурачка. «Дурачок ты и есть, самый настоящий, а ещё в женихи к Аньке набиваешься», – читалось в её взгляде.

– Миша по мелочи собирает деньги и раскладывает их по ячейкам, чтобы Татьяна не выманила на сапоги или шубу. А когда наступает срок выплаты, Миша забирает деньги и рассчитывается по кредиту. А процентный вклад требует цельной суммы, и трогать его нельзя раньше времени, иначе процентов не начислят, – медленно, разделяя слова на слоги, сказала Надежда.

А Анна тяжело вздохнула. Надежда Семенова обрисовала будущее супружество мрачными красками. Муж станет прятать деньги от жены в банковских ячейках. Частями. Крохами. А ключи от ячеек в землю зароет. Крот земляной. Экономист. Конторщик. Жадина.

– Миша мог бы купить жене сапоги, – сказала Анна и покраснела.

Слова вылетели против воли. Сами по себе. Без спроса. Вечер сплошных неожиданностей. Анна не планировала поддерживать беседу о семейных тяготах четы Ворониных.

– Даже Леня Голубков купил жене сапоги, – не к месту и не ко времени пошутил Володя.

И все невесело рассмеялись, припомнив популярный народный лохотрон с тремя большими буквами «М».

– А ты-ты-ты лучше помолчал бы, – вспыхнула Анна, – ты тоже не купишь своей жене сапоги. Ты ведь – не Леня Голубков.

– Нет, я – не Леня Голубков, я – Владимир Андреевич Морозов, – с готовностью согласился Володя, – во-первых, у меня пока нет жены, а во-вторых, нечего женщин баловать дорогими подарками. «Во всех ты, душенька, нарядах хороша!»

И славная цитата пришлась к месту. Присутствующие мужчины поддержали Владимира дружным смехом, даже хлопнули ладонями, впрочем, недружно хлопнули, они всей душой сострадали семье Ворониных. Выплаты по кредиту важнее бессмысленных подарков.

– Тогда нечего вообще жениться! – закричала Анна. – Если нет денег.

Она испуганно уставилась на Владимира круглыми от страха глазами. Вожделенные сапожки настолько завладели её воображением, что она уже не отвечала за свои слова, говорила то, о чем вообще не думала.

– В этом есть сермяжная правда, – усмехнулся Владимир, – если нет денег, нечего жениться. А я пока и не собираюсь!

– Как это? – удивилась обманутая невеста.

В течение предпраздничного месяца Анна обсуждала с подругами достоинства и недостатки своего жениха. Было убито много часов на обсуждение важной проблемы, пропущены важные сериалы: и про бойкую прокуроршу, и про простодушную няню. Многие салоны красоты недосчитались значительной выручки. Сауны и спортивные залы опустели. Зато мобильная связь получала баснословные барыши. Женщины перемывали косточки будущему мужу Анны. Тестировали его. Проверяли качество. А он, оказывается, вовсе не собирался жениться. У него, видите ли, денег нет на содержание жены.

– Н-н-а-а-а-а-а, т-ты не подбросишь меня до метро, – сказала Анна, заикаясь и захлебываясь слезами.

– Ань, да не спеши ты, посиди ещё с нами, – сказал Александр Семенов, при этом строя страшные глаза Владимиру.

Но Анна заметила его хитрые манипуляции, стремительно вскочила из-за стола и, путаясь в чужой одежде, с трудом нашла свое пальто и выбежала за дверь. Владимир жестом остановил Надежду Павловну, дескать, не ваше дело, сами управимся, неторопливо попрощался, оделся и вышел за дверь. На площадке никого не было. Снизу доносились какие-то странные звуки. Владимир склонился над перилами и посмотрел в темноту. В углу стояла Анна и громко редела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.